

1872

1. («Я РОДИЛСЯ В 1822 ГОДУ...»)

Я родился в 1822 году в Ярославской губернии. Мой отец, старый адъютант князя Витгенштейна, был капитан в отставке. Вышел я из 4-го класса гимназии. Уверил старшего брата, что мне нужно ехать в Петербург и там продолжать учение. Прокурор Полозов дал рекомендательное письмо жандармскому генералу Полозову об определении в Дворянский полк. Прибыл в Петербург в 1838 г. В кармане 150 рублей ассигнациями. Отказ мой Полозову от Дворянского полку. Генерал написал брату, брат пожаловался отцу. Грубое письмо отца. Грубый мой ответ отцу, заключение его («Если вы, батюшка, намерены писать ко мне бранные письма, то не трудитесь продолжать, я, не читая, буду возвращать вам письма»).

Со мной была тетрадка стихотворений, на нее возлагал я большие надежды. Перебиваясь изо дня в день, я насилу добыл место гувернера у офицера Бенецкого — содержателя пансиона для поступления в Инженерное училище. За сто рублей ассигнациями в месяц я обучал с десяток мальчиков с утра до позднего вечера.

В начале 40-го года я приступил к изданию привезенных стихов отдельной книжечкой. Имея ее еще в листах, пошел к Жуковскому в Шепелевский двор, близ Зимнего дворца. Он жил очень высоко. Вышел благообразный старик, весьма чисто одетый, с наклоненной вперед головой. Отдавая листы, просил его мнения. Сказано — прийти чрез три дня. Явился. Указано мне два стихотворения из всех, как порядочные, о прочих сказано: «Если хотите печатать, то издавайте без имени, впоследствии вы напишете лучше, и вам будет стыдно за эти стихи».

Не напечатать было нельзя, около сотни экземпляров Бенецким было запровано, и деньги я получил вперед. Книжечка вышла, автор скрылся под буквами Н. Н. Роздал книгу на комиссию; прихожу в магазин чрез неделю — ни одного экземпляра не продано, чрез другую — то же, чрез два месяца — то же. В огорчении отобрал все экземпляры и большую часть уничтожил. Отказался писать лирические и вообще нежные произведения в стихах.

Н. Полевой издавал «Сын отечества». Он поместил одно стихотворение. Дал мне работу, (я) переводил с французского, писал отзывы о театральных пьесах, о книгах. Ничего о них не зная, ходил в Смирдинскую библиотеку-кабинет, брал кое-какие материалы, и заметки (с)оставлялись. Так я писал и сам учился.

Желание поступить в университет меня не покидало. Пугала латынь. На Итальянской встретил в увеселительном заведении Успенского — профессора духовной академии. Оба пьяные. Ученый переводчик классиков для академии. С откровенностью молодости рассказал свои нужды. «Я вас выучу латыни, приходите жить ко мне».

Поселился у него на Охте. Подле столовой за перегородкой темный чулан был моей квартирой. Успенский в полосатом халате пил запоем по несколько недель, очнется: «Давай буду тебя учить». Две, три недели учит очень хорошо, там опять запьет. Ходил с ним к дьякону Прохорову. То была правая рука у митрополита бывшего Серафима, все духовенство валялось у его ног. У отца дьякона вечный картеж. Тут я выучился играть в преферанс.

Начал экзаменоваться в университете. Латинист Фрейтаг был очень строг, но и он с латыни поставил мне 5. Устрялов экзаменовал с русской истории; экзамены шли хорошо, но профессор всеобщей истории Касторский поставил единицу; говорят, любил взятки, а мне нечего было дать. Оставалось экзаменоваться с физики: в ней я ничего не знал, приготовиться не у кого, заплатить нечем, рассчитывал получить единицу с этого предмета. При одной единице тогда в университет принимали. Но, уже имея одну, пошел к ректору Плетневу; он посоветовал отложить физику до декабря, а обещал принять при одной единице из всеобщей истории. Успокоенный словом ректора, я загулял. Через две недели прихожу, узнаю, что не принят. Плетнев забыл обо мне заявить конференции. Иду к нему. С горечью выругал его. Мое

положение было трагическое. На поступлении в университет я рассчитывал примириться с отцом. Плетнев принял вольнослушателем. Я ходил года полтора, но учиться и зарабатывать хлеб трудно, и я бросил.

Издавал Краевский «Литературную газету» — прибавление к «Инвалиду». Издатель был Иванов — книгопродавец. Сюда я писал очень много. Краевский по контракту взял на себя всю работу за 18 000 рублей ассигнациями, а сдал мне всю ее за 6000 рублей в год. В газете был отдел «Дагерротип», весь он исписывался мною и в стихах, и в прозе. Я как-то недавно расчел, что мною исписано всего журнальной работы до 300 печатных листов.

Отзывы мои о книгах обратили внимание Белинского, мысли наши в отзывах отличались замечательным сходством, хотя мои заметки в газете по времени часто предшествовали отзывам Белинского в журнале. Я сблизился с Белинским. Принялся немного за стихи. Приношу к нему около 44 года стихотворение «Родина», написано было только начало. Белинский пришел в восторг, ему понравились задатки отрицания и вообще зарождение тех мыслей, которые получили свое развитие в дальнейших моих стихах. Он убеждал продолжать.

Сию дома, работаю. Прибегают от Белинского. Иду туда, впервые встречаю Тургенева, читаю ему «Родину». Он в восторге: «Я много писал стихов, но так написать не могу, — сказал Тургенев, — мне нравятся и мысли, и стих». В собрании моих стихотворений печатается «Родина» в начале издания.

С 44 года дела мои шли хорошо. Я без особого затруднения до 700 рублей ассигнациями выручал в месяц, в то время как Белинский, связанный по условию с Краевским, работая больше, получал 450 рублей в месяц. Я стал подымать его на дыбы, указывая на свой заработок. В 45 году издал я «Петербургский сборник», в нем между прочим было начало романа Федора Достоевского «Бедные люди». Сборник мне дал чистых 2000 рублей. Я был тогда молод, деньги отдал Белинскому на поездку в Малороссию со Щепкиным. Здоровье Белинского было сильно расстроено.

Летом 46 года я гостил в Казанской губернии у приятеля своего, помещика Григория Матвеевича Толстого, он бывал за границей, обладал некоторым либерализмом. Жили мы с ним в бане и, сидя на балконе, часто беседовали о литературе. В соседство приехал Панаев с семьей, у него было там имение. Я возбуждал вопрос об издании журнала. Дело останавливалось за деньгами. Панаев заявил, что у него есть 25 000 (рублей) свободного капитала. Толстой обещал ссудить также 25 000. Тогда я поспешил в Петербург. Журнал «Сын отечества» умирал, издатель его Масальский был в это время в Ревеле. Я ездил к нему, но дело ни к чему не привело, тогда я пошел к Плетневу — издателю «Современника», начатого Пушкиным в 36-м году. Плетнев легко согласился, уступил мне и Панаеву журнал, написал контракт: с каждого подписчика давать Плетневу рубль, а если журнал прекратится вследствие явного нарушения цензурных правил, то мы ему платим 30 000 рублей неустойки. Первый год, 47, успех блистательный. Было 2000 подписчиков; вместо прежней платы по рублю, мы, ввиду успеха журнала, обязались платить 3000 рублей Плетневу в год. В 48 году было более 2800 подписчиков, но тут начались страшные гонения цензуры. Затем наибольший успех «Современника» в 1861 г. — было 6800. От Краевского я получил «Отечественные записки» с 3000 подписчиков, а ныне до 6000.